

Он не стал дожидаться ответа Чжоу Цзихэна.

Но руки Чжоу Цзихэна, крепко обхватившие его поясницу, дыхание, становящееся всё тяжелее и тяжелее, и агрессивные поцелуи – всё это подсказало Ся Сицину ответ самым интуитивным образом.

Ся Сицину нравится это чувство, и ощущение сильной потребности Чжоу Цзихэна в нём с помощью органов чувств.

Но он также боялся, что Чжоу Цзихэн действительно произнесёт эти два слова.

Для него все человеческие эмоциональные изменения – это кривые с одним пиком, которые немного нарастают в двусмысленности, немного возрастают и достигают пика, когда он воспринимает любовь.

Но когда он достиг вершины, он упадёт безвозвратно.

Подобно параболе, чем выше вершина, тем тяжелее падение.

Это хорошо сейчас, он нуждается в Чжоу Цзихэне, точно так же, как Чжоу Цзихэн всё ещё нуждается в нём, неважно, что нет определения.

Поцелуй Чжоу Цзихэна был не очень техничным, всё это было в неистовстве от нетерпения, и он не мог дождаться, чтобы зацепить свою душу поцелуем.

Невозможно сказать, что он на самом деле думает в своём сердце, Чжоу Цзихэн может выражать все свои желания только телом.

Он всегда отличался собственной настойчивостью, привычно избегая всего, что может привести его разум в неосознанное состояние, будь то табак или алкоголь.

Ему нравится всё время бодрствовать.

Но Ся Сицин только что появился, и он использовал всё, что мог, чтобы соблазнить его, спровоцировать и потревожить его изначально твёрдое сердце.

С самого начала он знал, что понимает лучше, чем кто-либо другой, поэтому постоянно напоминал себе держаться подальше от Ся Сицина. Он не был хорошим человеком. Он был легковоспламеняющимся, взрывоопасным и соблазнительно опасным товаром.

— Здесь жарко? – Голос Ся Сицина был покрыт толстым слоем водяного пара, как мокрое

стекло. Его тонкие пальцы теребили нижний край свитера Чжоу Цзихэна, пытаюсь задрать его.
— Сними это?

Перед окончанием интимной близости Чжоу Цзихэн снова поцеловал его, сняв с него рубашку.

Критические моменты между мужчинами часто бывают жестокими и непредсказуемыми.

Он полностью понимал ожидания Ся Сицина от самого себя, но было жаль, что даже он был тем, кто был вынужден пристраститься к наркотикам.

Он также хочет быть лидером.

От интенсивного поцелуя всё тело Ся Сицина разгорячилось, покрылось тонким слоем пота, его кожа и шелковая пижама слиплись, отчего у него перехватило дыхание, сознание и поведение противоположны, чем интенсивнее поведение, тем его сознание становится всё медленнее и медленнее, всё более и более вялотекущим.

Пассивно поза лежащего на теле Чжоу Цзихэна изменилась с высокомерного леопарда на цепкую кошку.

Чжоу Цзихэн нашёл возможность опрокинуть его, надавил на плечи Ся Сицина и придавил его своим телом. Капля пота, которая накапливалась в течение длительного времени, упала с его лба и беспристрастно упала на губы Ся Сицина.

Чжоу Цзихэн наблюдал, как он высунул кончик языка и осторожно слизывал капли пота, с ленивой улыбкой на его чистом и нетерпеливом лице.

— Солёный.

Но ты слишком милый.

Маленький оставшийся разум Чжоу Цзихэна прекратил свои предсмертные муки и утонул в бурных волнах вместе с Ся Сицином.

Иногда в проекции раздавался нежный голос ребёнка, и он врезался в сердце Ся Сицина, как олень.

Как раз тогда, когда их обоих вот-вот захлестнёт бурлящее желание, он не забыл подразнить.

— Это действительно ...Дети...Дети...

Оставшиеся два слова были заглушены вздохами, а плечи Ся Сицина тряслись, и он не мог говорить.

Слушать хорошо поставленный голос юного Чжоу Цзихэна и общаться со взрослым ним – это действительно замечательный опыт.

Чжоу Цзихэн плотно сжал свои влажные ярко-красные губы и поцеловал его. В момент чрезвычайно напряжённой конфронтации ребёнок в проекции внезапно дважды резко позвал своего брата.

Ся Сицин внезапно рассмеялся, узнав во время смеха мягкий детский голос.

— Старший брат.

Ся Сицин протянул руку и потёр центр сдержанно нахмуренного лица Чжоу Цзихэна. Будучи подвергнутым таким домогательствам с его стороны, Чжоу Цзихэн почувствовал, что его достоинство поставлено под сомнение, и яростно прикусил нижнюю губу Ся Сицина.

— Ты был таким милым, когда был ребёнком... Почему ты сейчас такой свирепый? – Ся Сицин наклонился и лъстиво поцеловал его. — Ты снова кричишь... Я слышал, как ты красиво кричал, когда был ребёнком... или, или сейчас...

Изначально он этого не ожидал, Чжоу Цзихэн всегда не желал оправдывать его ожидания, Ся Сицин знал об этом ранним утром.

Но чего он не ожидал, так это того, что Чжоу Цзихэн действительно наклонится близко к его уху.

— Гэгэ~ - Его голос был глубоким и низким.

Ещё раз легонько поцелуй мочки ушей Ся Сицина.

— Ты удовлетворен? Брат Сицин.

Колокол собора Байхуа сильно ударил по сердечному клапану.

Даже душа была разбита на куски и превратилась в огромную вселенную.

Дневное прослушивание уже отняло у Ся Сицина достаточно умственной энергии, и он не знал, как долго оно длилось. Его сознание было слишком расплывчатым. Он заснул всего после двух раз. Чжоу Цзихэн был очень упрям. Независимо от того, был он мягким или жестким, он

не желал послушно подчиняться.

Он не спал крепко, но не мог поднять веки. Ся Сицину всегда казалось, что кто-то касается его лба и щек во сне, очень легко, из-за чего невозможно было сказать, было ли это иллюзией.

Заснув в оцепенении до второй половины ночи, Ся Сицин проснулся с сухостью во рту. Ся Сицин прищурил глаза и направился на кухню. Он открыл холодильник, налив себе полбутылки воды со льдом. Он проснулся сразу много раз.

Хотя уже почти начало лета, по ночам ветер всё ещё немного холодный.

Ся Сицин медленно вернулся в комнату с опущенными веками и обнаружил, что проектор всё ещё включён, но звука не было.

На самом деле, ему следовало бы чаще бывать дома в это время. В конце концов, это не его дом.

Ся Сицин присел на корточки на краю кровати, глядя на спокойное лицо спящего Чжоу Цзихэна. Маленькое личико, сияющее на экране, постепенно совпадает с мальчиком, который стал высоким в реальности. Каждая деталь очень похожа, но она расширяется, заставляя его почувствовать красоту жизни.

Чжоу Цзихэн заснул у кровати, его руки свисали, их некуда было деть. Ся Сицин сначала осторожно коснулся его кончиками пальцев. Видя, что он не проснулся, он смело и уверенно взял его за руку.

Пальцы Чжоу Цзихэна очень длинные, а ладони широкие и сухие, что наводит на мысль о том, с какой легкостью он ловит мяч одной рукой во время баскетбольного матча.

Словно играя с лапами щенка, Ся Сицин схватил свои пальцы один за другим и сложил их, затем развёл их один за другим и, наконец, вложил свои пальцы внутрь, необъяснимым образом сжав десять пальцев, которые подходили друг другу.

Если он существует только для себя.

[Этот художественный музей был построен моей матерью для тебя, ты знал?]

Вспомнив фотографию своей матери с сердечным приступом в художественном музее, Ся Сицин внезапно почувствовал укол в спину и слабо отпустил руку Чжоу Цзихэна.

Когда он опустил голову, то обнаружил у своих ног гелевую ручку, которой, вероятно, пользовался Чжоу Цзихэн для заметок.

Ся Сицин никогда не был уверен, что он действительно получит чью-то любовь. Большинству из них нравилась его кожа. Были также люди, которые называли себя Боле, которые восхищались его талантом или с нетерпением ждали его семьи. Но без этой глазури внутреннее «я» становится таким горьким, что люди падают духом.

Эгоизм, инертность, ложь, разная внешность, романтическая зависимость.

Раньше он всегда считал, что Чжоу Цзихэн смотрел на него свысока исключительно потому, что он был слеп. Так много людей преследовали его и окружали, но Чжоу Цзихэн не мог избежать этого.

Но теперь, каким бы тщеславным или жестокосердным он ни был, он должен признать, что не достоин такого хорошего Чжоу Цзихэна.

В полдень следующего дня Чжоу Цзихэн был разбужен смертоносной серийной убийцей Цзян Инь. Он забыл, что ему всё ещё нужно снимать проект. Он заснул сонным сном. Цзихэн не знал, было ли это из-за того, что он смотрел сериал, когда дебютировал, перед тем как лечь спать. Когда ему приснился сон, он продолжал видеть его до начала съёмок. Ему приснилась сестра в белом платье. Она коснулась головы и завернула для него белую розу салфеткой.

Когда он снова поднял голову, девушка исчезла без следа. Чжоу Цзихэн был очень встревожен и бежал по парку, пытаясь закричать, но не мог издать ни звука.

Внезапно он услышал, как кто-то зовёт его по имени у него за спиной.

Обернувшись, он увидел Ся Сицина.

Держа в руке тёмно-красную розу, он улыбнулся сам себе.

Как только он приблизился, роза в одно мгновение увяла.

Выражение его лица было печальным, но слёз не было.

[Тебе не нравится мой, верно.]

В холодном поту Чжоу Цзихэн открыл глаза.

Он был единственным, кто остался на кровати, и даже проектор был выключен.

Он не мог удержать его во сне, и тот факт, что Ся Сицина там не было, не был для него большим ударом.

Он ожидал этого давным-давно, и он предвидел все чрезвычайно плохие возможности.

— Понятно, я сейчас буду там. - Чжоу Цзихэн сел на край кровати, согнув талию и положив руки на колени, его голова безвольно поникла.

— Я не пил, я слишком устал и лёг спать немного поздно. - Цзян Инь наговорила много глупостей, и Чжоу Цзихэн был ошеломлён, когда услышал это. Он сменил руку, чтобы ответить на телефонный звонок, почесал волосы левой рукой и снова положил её на колено.

Внезапно он заметил, что на безымянном пальце, рядом с ладонью, что-то есть.

Раскинув ладони и наклонившись перед собой, он наконец-то ясно увидел.

Она была нарисована чёрной фирменной ручкой в виде очень маленькой розы, незаметно растущей на нижней костяшке безымянного пальца.

Он бессознательно улыбнулся, вызвав сомнения на другом конце провода.

— Ничего.

Я только что нашёл весёлый маленький трюк.

Чтобы выбиться из графика, Цзихэн был очень загружён работой за неделю до того, как он вступил в группу. Нужно было выполнить слишком много рекламных контрактов, а также приглашений в журналы. Он мог только сжать своё время и сделать всё хорошо, прежде чем смог сосредоточиться на вступлении в группу.

В отличие от Ся Сицина, последнее, чего ему не хватает, - это времени.

После личной встречи с режиссёром Кун Чэном Ся Сицин наконец решил сняться в этом фильме.

То, что сказал режиссёр, напомнило ему о просмотре его дебютной работы в доме Чжоу Цзихэна несколько дней назад.

[Сейчас всё полно неопределённости, но работа вечна. Независимо от того, что это за вид искусства, я не знаю о других людях, но я верю, что вы сможете понять, что я имею в виду.]

За последние два дня он внезапно обнаружил, что даже если в конце концов совершит ту же ошибку. По крайней мере, одна такая работа может навсегда скрепить отношения между ними.

Все эти двусмысленности и границы, которые существовали, являются сублимацией искусства в глазах других, но в их невысказанных глазах всё это является результатом привязанности.

Этого достаточно, он не хочет, чтобы Чжоу Цзихэн забыл его.

Даже если упоминание этого фильма в будущем вызовет у него чувство отвращения, это можно рассматривать как достижение, но это больше соответствует художественному стремлению Ся Сицина к негативизму.

— Ты занят сегодня вечером? – Ся Сицин отправил голосовое сообщение Чжоу Цзихэну по дороге домой и вскоре получил его ответ.

— Мне нужно посетить мероприятие, и я думаю, что не смогу вернуться домой до второй половины ночи.

Ся Сицин напечатал ответ, получил его и больше ничего не сказал. Первоначально он думал, что если с Чжоу Цзихэном всё будет в порядке ночью, он может пойти с ним на тот художественный банкет, но внезапно почувствовал, что был слишком наивен. Чжоу Цзихэну не подобает ходить на какой-либо частный банкет в качестве личности. Более того, просто нет убедительной причины сопровождать его.

Чжоу Цзихэн прислал ещё один вопрос.

[Задающий темп морали: Ты занят по ночам?]

[Примечание: У меня тоже есть мероприятие, и я предполагаю, что вернусь очень поздно.]

Ся Сицин не очень ясно объяснил это, а Чжоу Цзихэн многого не спрашивал. Его помощник Сяо Ло убедил его сесть в машину, поэтому ему пришлось временно убрать свой мобильный телефон.

Этот художественный ужин был организован мистером Чжун Эрнаном, очень престижным коллекционером в отрасли. Место проведения – его особняк. Хотя его имя заимствовано, поскольку мистеру Чжуну почти девяносто лет, на самом деле его готовит его младший сын Чжун Чи. Были приглашены многие коллекционеры, а также многие известные художники.

Чжун Чи отличается от своего отца, он законченный бизнесмен, и, естественно, на званом ужине неизбежно будут присутствовать новые и старые друзья из деловых кругов.

Если бы не было бизнесменов, Ся Сицин был бы очень рад поехать. Редко кто в Китае захотел бы провести такой художественный вечер, но как только запах меди смешался, интерес Ся Сицина снизился более чем наполовину.

Но он всегда был сильным человеком, и с тех пор, как он ушёл, он должен вести себя как преуспевающий человек, иначе он будет потерян для своего собственного народа.

Первоначально Ся Сицин выбрал ветровку армейского зеленого цвета, но позже подумал об этом. В конце концов, он носил репутацию Пулито за своей спиной, и он всё ещё одевался более официально, поэтому он выбрал строгий серый костюм и редко носил тёмно-синий галстук. Волосы наполовину завязаны, и это выглядит не так уж небрежно.

Когда они ехали на званый ужин, персонал у дверей особняка проверил пригласительное письмо, и Ся Сицин передал его из окна машины. Он чувствовал, что охранники смотрят на него, они могли бы узнать его.

Теперь он наконец понимает страдания общественных деятелей, и за ним будут наблюдать, куда бы они ни пошли, точно за павлином в зоопарке.

Планировка зала довольно мечтательная, с изысканными ландышами, вкрапленными в картины.

Толпа собиралась группами. Все пробовали знаменитые картины и выражали свои чувства. Честно говоря, Ся Сицину, как художнику, меньше всего нравилась эта ссылка. Его работы были чрезмерно истолкованы группой людей, и было действительно странно говорить, что даже он не понял анализа.

Он был за границей так много лет, и родители редко брали его с собой, когда он был в Китае. Большинство людей на банкете не знали его. Это дало Ся Сицину много пространства. Только некоторые молодые и красивые дамы иногда набирались смелости подойти и перекинуться с ним парой слов.

— Ты обычно предпочитаешь писать маслом, верно?

Ся Сицин улыбнулся девушке, которая задала вопрос, но его взгляд переместился на маленького мальчика, который стоял отдельно от двух картин. Он смотрел больше не потому, что ему это нравилось. Это было потому, что мужчина продолжал смотреть на него, думая, что он не заметил.

Я не знаю, откуда берется эта уверенность.

— Да, картина маслом. - Ся Сицин ослабил галстук. — Я собираюсь выпить бокал вина, извините меня.

Подойдя к зоне отдыха, чтобы перевести дух, Ся Сицин взял стакан вина и сделал глоток. Внезапно он услышал, как кто-то зовёт его по имени, повернул голову и увидел знакомого мужчину в тёмно-красном костюме.

— Здравствуйте, вы Ся Сицин? - Мужчина вежливо протянул ему руку. — Я Вэй Мин.

Ся Сицин всегда был слеп к лицам людей, но каким-то образом внезапно вспомнил об этом.

Этот человек - молодой человек, которого он встретил в Юншуйцзяне в прошлый раз, руководитель группы «Слежения».

Прежде чем он протянул руку, Ся Сицин повернул голову и оказался далеко от молодого человека, который только что подглядывал за ним. Он, казалось, был застигнут врасплох и поспешно обернулся. Что плохого в сегодняшнем дне, так это то, что он полон странных людей.

Я не знаю, человек, которого отпугнули его глаза, смотрел вниз и отвечал на сообщение.

[Чжао Кэ: Брат Хэн, ты знаешь, с кем я столкнулся на званом ужине?]

[Чжао Кэ: Эй, забудь об этом, не гадай, я тебе скажу.]

[Чжао Кэ: Твой СР!]

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14508/1284201>